

Валентина Силантьева

Коррекция любви

На Поварской

Поварская, от Кудринки к Новому Арбату, ложилась под ноги. Сочетание сегодняшнего дня и «скромного аристократизма» усадебной застройки XIX века чуть кружило голову. Представители славных фамилий, способных украсить историю любой страны, пронеслись в голове. Когда-то они жили здесь и оставили по себе красивую память.

Майе было «после двадцати», она только что закончила московский педин. Тонка, хороша собой. В непедальируемой изысканности сквозило нечто от тех, давно ушедших юных барышень. В общем, в раздразе 90-х и неухоженности Поварской она несла в себе легкий шарм благородных дев, закончивших престижные учебные заведения веком ранее. Отсутствие манерности, умение носить все еще советский ширпотреб как наряд – в глазах Вари это делало ее очаровательной.

Конечно, разговаривали о литературе. Вспомнили родных сердцу Пушкина-Лермонтова-Грибоедова, упомянули о Чехове (шли от дома, крещенного им «веселым комодом»), не забыли отметить ампирную простоту одноэтажного особняка Волконской. И вдруг где-то на повороте в один из ассоциативно прекрасных переулков (Скарятинский? Скатерный?), чуть ли не в ожидании зеленого светофорного глаза Варя услышала:

– В этом районе и на этой улице никто не возьмет меня замуж.

Интонация была похожа на левитановскую боль, разлитую в его пейзажах.

– Стоп, Майя, откуда элегия в нашем тандеме?

Майя взглянула грустно, а Варя была ошарашена.

Конечно, она старше на целое поколение. Конечно, пришли иные времена и взошли на царство иные лица. Но ей все равно казалось, что слово «любовь», навсегда прикипленное к душам изящных дев, живет там постоянно и безотносительно ко времени и месту действия. Оказывается...

– Майя, – растерянно спросила она, – а при чем тут Поварская?

– Эх, Варвара Ивановна, вы с мамой задержались в Советском Союзе...

– От родины не отрешиваются, – запальчиво парировала Варька.

– Конечно, только времена меняются, а традиции корректируются.

– Позвольте, это как же?

Иронию она уловила, но ответила собранно:

– В нашем переделе благородству помыслов предпочитают приданое. Ни у вас, ни у нас Поросянок не увяз.

– Хорошо перефразируешь, – все пыталась язвить Варя.

– В духе времени.

Варя прислонилась к стене. Ошарпанной, но с красивым прошлым. Было – как на сквозном ветру. Не к месту, но под стать ситуации в голове запрыгали строчки:

С мужчиной! С молодым! –
Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!

Ну да, Грибоедов жывал на Поварской.

* * *

Майя была девушкой из «хорошей семьи»: мама, прошедшая путь от заводской проходной до научного сотрудника Института литературы; папа – достойный ученый из НИИ физики каких-то неведомых сплавов. Семья с трудом и с помощью дедушек-бабушек выменяла комнату в послевоенной коммуналке на неболь-

шую жилплощадь в доме под «банной» плиткой на шоссе Энтузиастов. Бывая у них, Варвара посмеивалась: от этого «скорбного тракта» (Владимирки) советской интеллигенции никуда не уйти. Но в этом доме было тепло и уютно. Чаевничали. Разговаривали. Вспоминали, как любили бывать в чеховском Мелихове. С мягким смешком перебрасывались репликами Павла Егорыча, отца Чехова. Несказанное число лет он был на иждивении сына, но, желая чувствовать себя хозяином дома, занимался его летописанием. Филологическое ухо ловило стилистическое несоответствие рядом поставленных слов, речевых оборотов и фамилий тех, кто бывал в Мелихове. Поэтому, отнюдь не теряя уважения к особе давно ушедшей, они, чуть ерничая, цитировали памятные заметы «дедушки Павла»:

«Лед растаял в пруде».

«Суворин А.С. приехал. Коновицер уехала».

«Деревья распустились. Овес получили от Смагина».

«Сегодня 16 лет как я приехал в Москву жить».

«Привезли молотилку от князя Шаховского».

«Собака Шарик издох. Добрый был и верный сторож».

Наверное, больше всего радовались лексико-стилевым пародиям самого Антона Павловича. В одном из писем он совершенно в духе отца отметил: «Родился баранчик. В пруд текут ручьи. Куры собираются нестись». Ах, эти куры... Давно отошедшие в миры иные, они одарили Варьку поистине золотым яйцом.

Так вот, в этой квартире на улице с очень советским названием «шоссе Энтузиастов» жили нормальные советские интеллигенты и воспитывали двух очень не похожих друг на друга очаровательных девчонок – мечтательно-нежную Майю и взрывоопасную Галю. Любили хорошие книги, привечали знакомых, переживали беды, служили делу и, сталкиваясь с фактами омерзительной чиновной спеси, умели сохранить достоинство.

Однажды Варя привезла в Москву семнадцатилетнего сына-студента – встал вопрос о возможном его «перемещении» в Ломоносовский университет. В гостиницу было не попасть, осели у родителей Майи. Делились новостями, готовились к гостевому походу в Большой. Вдруг запротестовал Глеб: «Ма, я ж без галсту-

ка-манишки-смокинга, а ты – в Большой, в Большой». Варвара, ответив «Американки в нашем Большом являют себя в белых лосинах», отметала все его «не пойду». Глебке протянули галстук хозяина, и он, в рубашке, привезенной из заморских краев, казался импозантным. Им с юной Галей отдали первые места в ложе бенуара, а Майя с Варей разместились на стульях амфитеатра. Разглядывали зал и потолок, пеняли на «купеческий изыск» излишне алых кресел. Майя, где-то в архивах разыскав интересный материал, взახлеб комментировала его. Хотелось культурного чуда.

Оно случилось. В давно знакомой и вроде бы непритязательной «Сильфиде» танцевал худенький длинноногий и больше-стопный Николай Цискаридзе. Ох, это потом, говоря о великом даровании и мастерстве этого танцовщика, Варвара разместит его имя в пространстве мадригальной лирики: «экстравагантная изысканность»; «поющее, как дорогая скрипка, тело»; «романтик» и прочее. А в тот их первый приход... Крестьянин Джеймс, оставив дом и невесту ради Сильфиды, сотканной из грез и воздуха, невольно погубит ее. Потому что быт и бытие не смогли разместиться в нем рядом. Потому что мечта и реальность редко подают друг другу руки. Потому что духовный взлет и земная чувственность – разные ипостаси любви. И была бестелесной, с бантиком-бабочкой на спине Сильфида. И в филигранно-изысканном танце несло по сцене совсем мальчигово-угластое тело Цискаридзе. В восторженном увлечении девушкой-мечтой. В изломе горечи и растерянности. В осознании своей ущербной «недолугости». В красном костюме – факелом, – как будто над бездной. И ярко-клетчатая юбка-килт уже тогда не казалась неуместной и лишней на этом торсе.

После спектакля шли домой двусобными группами. Глебка с Галей ехидничали. Майя с Варей, поотстав, помалкивали. И вдруг, заглянув Варваре в лицо, Майя спросила:

– А что, это всегда так: если Аленький цветочек, то и Чудовище рядом?

– Где чудовище? – не поняла взрослая Варя.

– И в душе, и в жизни, – немного растерявшись, ответила эта девочка.

* * *

В Одессу студентка Майя приехала еще какое-то время спустя. Расплавленный июльский зной казался ей манной небесной. Она приехала с юношей-сверстником, и Варвара решила, что он «сопровождает ЕЕ». Разместились в Варькиной хоромине. Пусть в коммунарской, но хорошо прибранной, с высоченными окнами и расположенной «в тихом центре». Ребята носились между пляжами и городскими красотами, Варя готовила одесские изыски типа «синенькие» и, перебравшись на большой эркер, старалась пореже попадаться на глаза. И все бы ничего, но Костю раздражало все: яркое-жаркое солнце, высоченные окна, широкие подоконники, комары-кровососы, отсутствие горячей воды вообще и холодной в ночное время. Он активно демонстрировал свое нетерпение, и Варя, постоянно напоминая себе о гостеприимстве, все-таки не удержалась:

- Костя, но в Одессе в июле жарко...
- Ой, в этой провинции...
- Костюшкин, «откуда у хлопца московская спесь?».
- Перестаньте, только вы и можете здесь жить...
- Да, Костя, и еще миллион одесситов.
- Вот я и говорю...

Он смотрел на Варю свысока, и даже полки ее книг («И что, вы все это прочли?»), кажется, вызывали у него небрежение.

Он помыкал Майечкой, и Варя видела это. Он подчеркивал свою мужскую избранность, а Майя смотрела на него влюбленными глазами. Он не хотел ездить «неумытым троллейбусом» к морю, и Варя, успокаивая девчонку, совала ей в руки втихую одолженные рубли.

Потом взыграла и ее гордыня. В какой-то момент и в стороне от «возлежащего Кости» Варька произнесла: «Не смей потакать и унижаться». Майя всхлипнула: «Я не знаю, почему он так себя ведет». С высоты двойного Майкиного возраста, считала тогда Варя, она видит ситуацию лучше и может ее прокомментировать.

- Майя, из какой он семьи?
- Из офицерской.
- А где учится?
- В престижном военном училище.

– Майя, «Служу Советскому Союзу» сейчас часто оборачивается потребительством: многим кажется, что за это «служу» им все обязаны.

– А что, совсем не обязаны?

– А что, они воевали, жизнями рисковали, в Афгане свое отстрадали? Профессия предполагает обязанности, Майя.

– Нет, ни он, ни отец там не бывали.

– Так что же?

– Наверное, время улан-гусар миновало.

– Стоп, Майя, и в рабоче-крестьянской армии бывали свои достойные люди и талантливые военачальники.

Она согласилась, а Варька все удивлялась – но почему, почему же так?

В один из дней, радуясь полосатой арбузной ягоде с херсонских раздольных полей, тихо-мирно беседуя и играя за столом глянцевыми косточками, Варя обронила кусок алой мякоти на колени гостю. Он взвился. Не сдержавшись, заорал. И вот тут, дернув его за руку, Варвара потащила мальчишку в коридор, в ванную, к крану. Там и сказала: «Костя, вы – хам». Он дернулся. Побагровел лицом. Ринулся было в комнату. Варя, успев захлопнуть перед этим носом дверь и перейдя на «ты», строго сказала: «Попробуй вот сейчас обидеть Майю». Надо сказать – он послушался. Но засобирился домой. Варвара поставила на вид: в эту пору билеты на поезд «Одесса – Москва» берут за 40 суток, и потому придется смириться и уезжать согласно давно оговоренным датам и приобретенным билетам.

В оставшийся срок он пытался что-то продемонстрировать, но, ударяясь об угластую сдержанность Вари, поутих. Потом вдруг начал менять костюмы, заправлять рубашку в брюки, перетягивать талию кожаным ремнем и глядеться в высоченное трюмо, которое Варе досталось от бабушки. Курортный люд фланировал в свободно ниспадающей «хламиде», а Костя, хоть и с промокшими в жару подмышками, был показушно подтянут. Перехватив Майю, Варя спросила, что происходит. И услышала: она, эта девочка, сказала будущему офицеру чуть ли не космических войск, что, по-видимому, они расстанутся. А он ответил, что она пожалеет. А чтоб показать, что она теряет, надевает костюмы, которые

подчеркивают его статью и красивую фигуру. Последнее сразило Варвару наповал: «Майка, – сказала она, – а ведь ни одна одесская девчонка – ни на пляже, ни в кафе с танцуйками, – оглядев *сие* в костюме, не воспримет его всерьез». Майя подняла на нее глаза, а потом... кивнула – видно, это уже отметила.

В жаркучем трамвае они ехали с чемоданами-кофрами на вокзал. Предвечернее солнце полыхало оранжевым апельсином и косо освещало стоящую у окна задней площадки Майю. Большеглазая, тоненькая, с полудетскими локтями-коленками и так и не загоревшим личиком, в этих лучах-столбах и полутенях, она казалась похожей на девочку-эльфа. Уронила платок. Попыталась поднять – к ней метнулся завсегдатай одесских окраин. И старше, и статусом пониже, и, скорее всего, после длинного неспрадного дня. Нагнулся, протянул мятый комочек и вдруг произнес:

– Детка, брось ты эти слюни-слякоть в белых штанах, оставайся с нами.

Варя попыталась побыстрее протиснуться между ним и Костей, а «непарадный мужик», чуть притронувшись к Майкиной руке на поручне, успел сказать ее взрослой дуэнье: «Какая девочка, слышь, не отдавай ее этому...». Он спрыгнул, Майя-Костя-Варя, ошарашенные, проехали еще три остановки. Прощались скупно, разъехались надолго.

Потом, не скоро, Майя сказала, что с Костей они разошлись-распрощались, и что была в их прощании какая-то странная подробность: он вдруг начал просить, чтоб его не бросали, и сказал, что ему хотелось бы пожить с ней, с Майей, «вместе».

– «Хотелось бы», – засмеялась Варя. – А знаешь, Майка, одесит – трамвайный критик был прав, такие мужчины не будут ни мужьями, ни отцами, ни офицерами.

– А кем же? – веселилась Майя.

– Студенистой медузой в брюках, – ответила тогда Варя.

* * *

И вот – «иные времена». О любви не заикаются, сексом развлекаются, о мужских обязанностях перед семьей уже и не заговаривают. Конечно, – думает Варя, – традиционные браки отживают

свое. Мужчины не могут обеспечить, им подавай приданое. Время потакает ловчилам, и они, «откусив кусок», тешат самолюбие адресом на Поварской». Развивать эту мысль не хотелось, но память ее углубляла и... усугубляла.

Недуг заставил ее искать спасение «на водах». Посмеиваясь над собой, она все повторяла давно прочитанные строчки: «Перед замужеством барышень везли к источникам. Упокоив еще только возможные болезни, отдавали юных дев женихам». В постперестроечном курортном пространстве барышень и дев со скромно опущенными глазами не было. В назначенный час к бювету катилась толпа. В основном, женская. В основном, состоящая из тех, кто на узкой тропе немощного не пропустит вперед. И вдруг, передыхая чуть в стороне от идущих сплошным потоком, Варя стала отмечать молодого мужчину. Подчеркнуто хорошо одет. Припомажен. С выбрито-припудренным лицом. И в серо-белой хорошей выделки арафатке, которая, безусловно, ему очень шла. Эта арабская арафатка-куфия, ставшая модным трендом среди европейцев, на украинском курорте притягивала глаз и заставляла отметить статность и современную выправку молодого человека, так очевидно подчеркнуто дарившего себя миру. Сначала Варя решила, что нечаянно засвидетельствовала парадный, но единичный выход в свет, потом сообразила: этот молодой мужчина пребывает в состоянии охоты: в час «великого шествия к водам» он высматривает добычу. Как оказалось, она не ошиблась, – ей вскоре назвали его внутрикурортную кличку, и она звучала несколько длинно: «Я Альфонс, и не жалею об этом».

«Ахти мне, Господи, – стала думать Варвара, – а в кого же влюбляться девочкам-невестам?» Ответа, в общем-то, не было, а память опять и опять подсовывала теперешних «не пахавших – не воевавших» подкаблучников, которым было тепло и удобно под жениной пяткой, под ее одеялом и в пространстве, организованном эмансипированной женой. Конечно, им нравились и умненькие, и воспитанные девушки, но они, эти барышни, должны были обеспечить и основные деньги семьи, и ее тыл, и культуру взаимоотношений. Быстро «надломившись от перегруза», эти девушки становились «тетками» и вызывали небрежение бывшего сильного пола. Варя помнила: в 90-е трудные

годы новый тип постсоветских мужчин умел демонстрировать свою статуарную избранность по принципу «мы в дефиците», но – но с выражением играющей в скромность шлюхи. «Дефолт, – думала Варя, – не только денежный, но и нравственный. А в общем, – всеразрушающий».

* * *

Спираль времени способна растягиваться и сжиматься. Но всегда – удерживая в памяти самое важное и дорогое сердцу. Их с Майей пути-перепутья постепенно расходились, и разошлись. И связано это было отнюдь не с обидами или шероховатостями характеров. Просто они, прежние добрые знакомцы, утратили общий дом по имени «Большая родина», а теперешняя «малая» Варина обитель всячески препятствовала бывшему общению. Поезда ошарпаны, и дороги, самолеты недосыгаемы, телефонные разговоры стоят столько, сколько прежде звонки в Австралию. То ли от тоски, то ли от беспросветности Варвару обсели болезни, из которых нужно было выбирать в ситуации безденежья и почти бесхлебья, и не было сил набрать номер, разжать плотно стиснутые зубы и сказать хотя бы «здравствуйте». Но однажды в Варькином почтовом ящике все же осело московское письмо. Оно было пухло-объемным, и из него выпал десяток фотографий.

Майя писала, что она вышла замуж за того самого Мишу, который когда-то показался Варе похожим на Добрыню Никитича. Высок. Широкоплеч. С хорошей мускулатурой. С нормальной речью. В кудрявом ореоле прически и молодой бородки он напоминал добра молодца из детской сказки и улыбался, как все русичи, вскормленные полбой. Еще в тот, уже далекий свой приезд в Москву Варя осмелилась спросить о постоянстве/непостоянстве его визитов. Майя, сказав «Мы встречаемся», быстро проследовала с Мишей в свою комнату, а Варя с ее мамой, так же быстро переместившись на кухню, старались погромче лязгать крышкой чайника и чашками-плошками-ложками. Происходящее как бы не замечали, вопросов не задавали. И вот...

Пусть через много лет после их последней встречи, но ребята на фотографии выглядели счастливыми. Майя писала, что они

зафиксированы в свадебном вояже по экзотической стране. Что она, кажется, отогрелась в этом богоспасаемом краю. Что море здесь бирюзовое и теплое. Что поездку прочертил-просчитал-организовал и оплатил Миша. Миша выглядел русичем в пальмовом краю: борода в завитушках, загар и рубаха-апаш с красотками по периметру. В голове пронеслось:

С друзьями, в гриднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана.

Ну что ж, хорошо. И слава богу – женщина должна строить дом, в ней не угасло чувство материнства, к тому же тонкая душа и высокий небосвод Майи, конечно, украсят мир Миши-Руслана. Но почему же, почему так скребется нечаянно оброненная Майечкой фраза: «Миша все время фотографировал меня за едой, он сказал, что я красиво ем».

